

комъ? Но Садовскій появился преть публикой въ роли Мелузова, въ комедіи Островскаго «Таланты и поклонники»...

Москва пришла въ недоумѣніе. Все поднялось, насторожилось, затанцо тыханіе. Все заслонилъ собою этотъ Мелузовъ. Вотъ оргъ, какъ электрической токъ, передался всему зрительному залу, и залъ дрогнулъ отъ взрыва рукоплесканій. Въ этотъ моментъ Э. П. Горевъ, П. Э. Соловьевъ и другіе артисты того-же ампула могли-бы почувствовать зависть, но М. П. Садовскій вовсе не хотѣлъ отнимать у нихъ лавровъ, онъ только показалъ, что истиннымъ артистомъ можетъ быть названъ тотъ, кто, какъ и сама жизнь, способенъ воплотить и комическое, и трагическое.

Во всемъ, что онъ доселѣ сыгралъ, включая Мелузова, Садовскій обнаружилъ приращенные у него юморъ, чувство правды и глубокую наблюдательность. Простота и естественность — это, такъ сказать, особыя примѣты его артистического паспорта. Чувство мѣры, тактъ художника, боязнь карикатуры всегда сдерживали артиста на границѣ высокаго искусства.

Садовскаго вдохновлялъ, главнымъ образомъ, Островскій, а поле зрѣнія главнаго драматурга почти ограничено Москвою. Скажутъ: «вотъ узкія рамки!» — Нѣтъ, отвѣтимъ мы: потому нѣтъ, что Москва впитала въ себя Русь. Что видимо за Москвою, нѣтъ ея семи холмовъ, все то есть и на этихъ священныхъ холмахъ. Но не все московское передалось за ея границы... Обширная галерея типовъ схвачена Садовскимъ-наблюдателемъ, конечно, не изъ окна его дома: онъ изучалъ и изучилъ всю Москву съ ея тупиками и закоулками. Садовскій — нашъ, русакъ съ головы до ногъ, отмѣченный перстомъ Божиимъ и согрѣтый Божьею искрою. Бытовикъ на сценѣ, онъ — бытовикъ и въ разсказахъ, какіе печатались за его подписью («Высокое призваніе», «Дикій человѣкъ») и которые такъ привлекательны мягкостью основного тона и красокъ.

Сегодня Москва чувствуетъ заслуженнаго артиста. Bravo, Садовскій, bravo!

Павель Россіевъ.

Мех. Листокъ № 238 — 17 окт. 1909.

М. П. Садовскій.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, 17 октября 1869 г., на сценѣ московскаго Малаго театра въ роли Подхалюзина въ комедіи Островскаго „Свои люди сочтемся“ дебютировалъ сынъ артистическаго главы труппы Прова Садовскаго, Михаилъ Провичъ. Принятый 2 мая 1870 года въ составъ труппы, молодой артистъ съ честью поддерживалъ славу сценическаго имени Садовскихъ и вмѣстѣ со своей супругой Ольгой Осиповной за долгіе годы своей службы они создали длинную галерею чудныхъ сценическихъ образовъ и подарили каждому москвича многими минутами высокаго художественнаго наслажденія.

Но въ настоящей замѣткѣ я не хочу говорить о сценической дѣятельности юбиляра: актеръ Садовскій извѣстенъ въѣмъ. Мнѣ хочется напомнить про другую сторону его дѣятельности, совершенно несправедливо замалчиваемую и недостаточно отмѣненную. Я хочу говорить о Михаилѣ Провичѣ Садовскомъ, какъ о писателѣ.

Его многолѣтняя литературная дѣятельность тоже въ значительнѣйшей части связана съ театромъ, для котораго онъ послужилъ и своими пьесами, и своими переводами и своими мелодрамами. Если оригинальныя пьесы М. П. не подвинули впередъ русской комедіи, то его переводы Расиновской „Федры“ представляютъ собою настоящій литературный памятникъ высокаго мастерства. Каждый монологъ его показываетъ, что переводъ этотъ сдѣланъ театральнымъ человѣкомъ и для театра. Особенно бросается это въ глаза по сравненію, можетъ быть, и съ ученикъ, но мертвымъ, вялымъ и насквозь пропитаннымъ затхлостью кабинета переводомъ той же трагедіи покойнаго Льва Поливанова.

И этотъ переводъ для актера такъ же важенъ, какъ сдѣланный Островскимъ переводъ Шекспировскаго „Антонія и Клеопатры“, тоже совсѣмъ незаслуженно отодвинутый на задній планъ другими переводами.

Отъ большихъ знатоковъ дѣла доводилось мнѣ слышать похвалы другому переводу М. П.: трагедіи Софокла „Эдипъ - царь“, и очень жаль, что онъ до сихъ поръ не напечатанъ.

Давно уже въ „Артистѣ“ напечаталъ М. П. свою статью о Федорѣ Семеновичѣ Потаничкѣ, маленькомъ актерѣ московскаго театра